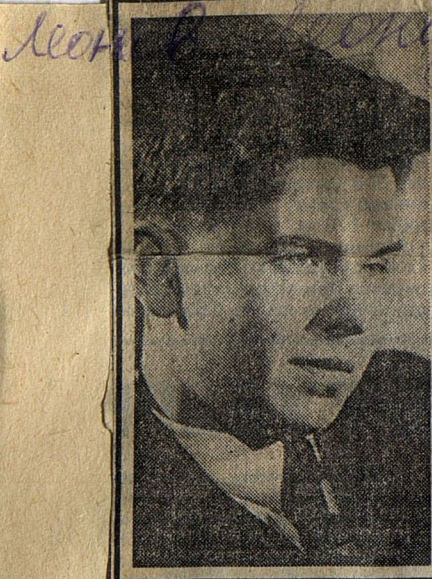

В ЗАЩИТУ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Известия, -1994, -21сент., -с. 1, 7.
8 августа этого года окончил жизненный круг Леонид Леонов, последний русский классик XX века. Семь лет назад с ним встречался корреспондент «Известий» Ким Смирнов. Запись беседы не была тогда обнародована. Леонид Максимович хотел некоторые мысли еще додумать, довести до приемлемой для него самой формы, если будет время. Времени не оказалось. Все оно было отдано последней, вершинной работе — роману «Пирамида». С разрешения дочери писателя, Натальи Леонидовны, мы публикуем сегодня эту запись.

Диалог с Леонидом Леоновым читайте на стр. 7.

Фото из архива «Известий».

ИЗВЕСТИЯ

Ким СМЕРНОВ, «Известия»

Незадолго до смерти Леонид Леонов завершил «Пирамиду». 7 лет назад наш разговор начался со впервые тогда опубликованных отрывков из этого, как он сам определил, романа-наваждения.

— В Вашем новом романе говорится: люди, «присваивая себе исключительные права на вечное бытие, не замечали разорения, производимого варварским вторжением в кругооборот живой природы, больше того, тайно готовились испробовать на себе почти самое трагическое из своих изобретений». Речь идет о массовом воздействии на мозг человека. Между этими словами и словом «В защиту Друга», опубликованным «Известиями» в 1947 году, пролегает большой путь — и в становлении экологического сознания на планете, и в Вашем творчестве. Между ними — многие Ваши выступления в защиту природы, гущение экологической и гражданской боли в «силовом поле» «Русского леса». Как Вы сами оцениваете влияние слова, литературы на формирование экологических и нравственных принципов, устоев людей? Может ли слово остановить топор, рубящий дерево?

— У меня в «Русском лесу» Грацианский еще до войны говорит страшные слова: «Назло вам мы срубим все, когда придет пора, не пощадим ни Волги, ни столь любезной вам Мезени, выкосим к чертовой матери Печору и Каму, Днепр и Двину, Ангара и Енисей и... что еще вы там под полой у себя прячете?» Но это гущение красок, художественный образ, доведение позиции до абсурда. А вышел роман, и своими ушами услышал я от одного из тогдашних руководителей Совнархоза РСФСР — публично, с трибуны: «Вот Леонов мешает нам рубить лес. Не позволим! Все вырубим! Все!» Видите, каково слову против топора.

— Но именно литература первой стала говорить о том, что творится с природой. «Русский лес» привел к серьезным сдвигам в общественном сознании. И книги Паустовского, Пришвина...

— Самое нужное слово говорится сегодня, когда все на кону. Говорится Распутным, Залыгиным, другими литераторами. Понимаете, писатели — это приемники боли, радости, всех эмоций и душевных землетрясений эпохи, которые не регистрируются статистикой. Они видят то, что еще не видят другие, но что может сделать середину XXI века для человечества очень тяжело. Литература — опережающая совесть общества.

— А наука?

— А что наука? Были ученые, которые возражали против нашествия целлюлозной промышленности на байкальский берег. Но нашлись и академик Жаворонков, и другие, которые научно обосновали все, что требовалось, «чего изволите».

Знаете, как с наукой и с литературой разговаривали в былые времена? В «Горячем сердце» купец (его прекрасно играл Тарханов) берет за грудки соседа: «Я ж тебя лаской прошу!» Вот так с нами тогда разговаривали. Но все-таки Вавилон остался Вавилоном. На плаву пошел, а истины не предал. И из советских писателей никто гимна Байкальскому комбинату не пропел. Вот так.

— Охрана природы требует больших затрат, экономически неэффективна. Так говорят.

— Наоборот, сама природа толкает нас к экономии. Я давно слежу за жизнью Кададинского лесоконбината в Пензенской области. Там прямо на месте работает фактически безотходный биохимический завод. От коры до щепы — все идет в дело. При этом посадки превышают рубки. В вашей газете об опыте Кадады писал мой старый друг, один из самых знающих лесных специалистов страны Евгений Иосифович Лопухов.

Такой опыт драгоценен. Как драгоценны и редкие теперь острова настоящего, в содружестве с наукой и разумом выраженного леса. Один из таких островов — Тюрмеровский лес под Москвой. Стройный, высокий, словно готический собор. Прекрасное творение рук человеческих. Создал его лесник Тюрмер, работавший в имении у графа Уварова. Я бы сюда привозил молодых людей со всей страны, рассказывал о его подвиге, проводил бы тут посвящение в лесники. Но потомки неблагодарны: а, какой-то немец! Могила Тюрмера раскопали, раз-

грабили, кости выбросили.

— На каких путях творчество, созидание, бережливость смогут возобладать над процессами разрушительными?

— Созидание начнет преобладать над разрушением в жизни, когда оно начнет преобладать и в человеческой душе. Спустимся с исторических высот в обыкновенную среднерусскую деревню. Не успели убрать лён, а надо отчитаться перед областью или даже перед Москвой, что будто бы успели. И — на глазах у мужиков — сжигают лён. Как это можно — такую тонкую культуру, которая требует искусной, ласковой руки, умного, бережного подхода, которую в былые-то времена с песней убирали, и — жечь! Это раз-

— Как нам, на новом витке времени, когда крестьянин во многом уже оторван от земли, восстановить такое понимание ответственности за хлеб?

— Я вам дам классический ответ: спросите меня что-нибудь полегче.

Есть вещи, которых я просто не понимаю. Не понимаю, когда мальчишки играют булкой в футбол. Стариков бы удар хватил при виде такого! Показывают на телеэкране уборку. Говорят об ударном труде. А невооруженным глазом видно, как зерно через край на землю сыплется. Почему это ударный труд? Бывает и того хуже: механизаторы поле два раза скосят по диагонали и на боковую. И так сойдет! Хлеб для них в сельмаге все равно будет. Кто-то их все равно прокормит.

Мы к месту и не к месту гово-

что приоритетно, предпочтительно многим нынешним молодым. Естественно, воспринять этические заповеди предшествующих поколений можно, лишь поднявшись на определенный уровень в своем духовном развитии, на ступени отказа от наивной и небезопасной для души веры в то, что мир создан лишь ради твоего только удовольствия и самовыражения.

Мы, возможно, недооценили когда-то предел, до которого могут насыщаться материальные потребности людей. А дальше — глухая торричеллиева пустота. Никакой отдушины. Только потребности души беспредельны. Только высокая духовность дает человеку огромный запас самого себя, который, как буфер, принимает любые удары судьбы.

За последние десятилетия мы научились даже о самом главном

размеры национальной эпидемии и проник во все возрастные и социальные слои, не так безобиден, как кое-кому представляется. Это визитная карточка бездуховности. Это разрушение народной души, ее внутренней чистоты.

Мне рассказывали: в школе ученик материт учительницу, а она ничем ответить не может. Да что рассказы! По детству своему помню: если бы в Москве тогда услышали мат от ребенка, любой отдрал бы его за уши. И мать стояла бы рядом и молчала. Такой был неписанный закон. Взрослые — да, матерились. Но чтобы подростки, дети... А сейчас — сцена на бульваре. Сидят две бабушки. Рядом играют внуки, пяти и трех лет. Подрались. И пятилетний матом трехлетнего! Одна бабушка: «Мать, что же он делает-то!» А вторая: «Жизнь суровая — пущай привыкает».

Нужно всенародно объявить: мы начинаем борьбу со сквернословием. Месяца два разъяснять, убеждать через печать и телевидение. А потом и к мерам перейти. Словом, показать матерщинникам: «Мы этого страсть как не любим!»

— Что спасет природу и нас всех — безотходная экономика, разум или совесть человека?

— Смотрели «Покаяние»? Там — ответ. Ради чего покаяние? Ради чего обнажать старые раны, неутоленную боль? Неужели мало еще было крови?

— Многие сегодняшние дискуссии на эту тему напоминают диалог в одном из Ваших романов: «Да и зачем вам тащить туда, в страну немеркнущих зорь, наши бедные и гадкие, накопленные вами полустлевшие кости!» — «Словом, вы за всепрощение!» — «Наоборот. Но я за большую историю...» — «...и неминуемо против судебной медицины!»

— Думаю, смысл фильма Абуладзе глубже. Он снят не только ради суда совести над прошлым, но и в размышлении о том, какие пути не ведут к Храму, ради ответа на вопрос: что спасет мир.

— По Достоевскому, красота.

— Достоевский пугал грядущей дисгармонией, разрушением души. Но человечество уже далеко ушло по этой дороге. Если что его и спасет, то это единство целей, ради которых народам нужно, не теряя каждому своего лица в мире, былые распри позабыть и объединить помыслы и усилия.

Когда на душе спокойно, и жизнь, и работа спорятся. А если в башку вбить гвоздь — тут не до покоя. Сегодня в любой мыслящий мозг вбиты целых два гвоздя — возможность атомного конца света. И экологического тоже.

Подходит крайний срок, до которого народы и правительства могут еще договориться о единых целях, начиная от утоления духовного голода и голода в буквальном, страшном смысле и кончая болезнями, терзающими тело и душу человека.

Ныне очень важен каждый шаг, даже полшага в сторону здравого смысла. Нам сегодня всем вместе следует найти другой, новый ключ к пониманию действительности, нашей человеческой роли в мировой органике; к пониманию того, что — это говорил еще старый апостол с громадной бородой — не хлебом единым жив человек, не одними определенными потребностями своими дано нам безболезненно вписаться в мироздание, каково оно есть в реальности сегодня и каким станет завтра. Нам предстоит, по возможности без необратимых потерь, вписаться в него и свой духовный мир.

Мы как-то нервно живем, сны страшные видим. Мельтешим в суматохе, в суете сует. Толпемся на одних и тех же крошечных пятках. Все времени нет для глубокого дыхания, для главной мысли о мире и о веке. Планете нынче очень нужен какой-то всечеловеческий высший совет — мыслителей, пророков, праотцев. Мудрых, имеющих мужество додумать все до конца. Понять, осмыслить главное, докопаться до глубин в стремительно летящем нашем мире.

Да, мир стоит перед критическим рубежом. Я уже как-то говорил, что сегодня даже начальнику банно-прачечной конторы надлежит иметь в голове радар на 20 лет вперед. А человечеству — и на все 200 лет. Ибо мы живем в те роковые и трудные два-три десятилетия, в которые складывается облик будущих двух, но, может быть, и трех столетий. Нам этот узел развязывать. Мы на этой земле живем. И никуда нам от нее и своего века не уйти.

В ЗАЩИТУ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Диалог с Леонидом Леоновым,
не опубликованный 7 лет назад

рушение нравственности в душе у крестьянина, а не только преступное уничтожение народного добра.

Все потому, что догме, идолу молимся, а не правде, делу. Смотрю я иногда по телевизору: собираются десять умных ученых мужей, садятся в кружок и как нам жить да быть толкуют, толкуют, толкуют. А толку нет. Слов много. Дел бы побольше. Таких, которые душу работающего человека к созиданию и поворачивают.

Ради того же идола показухи записали у нас в неперспективные и обрели на умирание множество деревьев. Для меня это и личная боль. Помню, как годы спустя после детства, лет десять назад, поехал в деревню бывшей Калужской губернии, откуда родом дед мой и отец мой.

На фоне тех мест написаны когда-то «Барсуки». Какие там песни были, хороводы, ярмарки! И это при том, что в страду вставали затемно, в два ночи. До зари работали. Возвращались со скотиной. Ужинали зеленой от соли селедкой и полным самоваром промывали себя. А утром снова в поле. И не надо было толковать по телевизору, что это твоё поле, твой хлеб, твоё деревня, твоё страна.

Я вышел на бугор. Село Белянки? Нет. Алтухово? Нет. Кобзево? Нет. Ничего нет! Пусто. Пустота зарастает лесом и какой-то мелкой ромашкой. Неперспективные деревни — объяснили мне. Вы понимаете? Я — нет.

У нас сейчас почему-то много делается с широкими «допусками», отступлениями от необходимого качества. И от совести тоже. Халтура, она всегда помогает, чтобы на ней поставили знак качества. Да, мы часто делаем не то. В ущерб и делу, и идеям своим. Кланяемся воображаемой догме, а идею-то — в простых деяниях наших.

Вот встретил я врача, которую хорошо знаю. Прекрасный врач, душевный человек. Идет, озбоченная, расстроенная. Оказывается, поручили ей доклад о том, какая будет жизнь при коммунизме. Ей надо народ лечить. И она это хорошо делает. Так пусть она этим и занимается.

Есть такая старая поговорка: «Заходил во все нефтяники, нигде керосина нет» — «А вы не в те лавки заходили». Так вот и мы часто не в те лавки заходим. Квалификацию на курсах повышаем, а интеллигентность падает. Ибо интеллигентность — это прежде всего ответственность за свое дело. У крестьянина издревле труд был не только подневольным. Он хлеб должен был вырастить. Это была и его сословная добродетель: кормилец страны!

Хотим «воспитать» и даже «сформировать» его. Но что есть патриотизм? Глубоко и давно убежден, что чувство это прямо пропорционально взносу, который сам человек внес в деяния Отечества. Он в таком случае, защищая честь Отечества, защищает и свой вклад в его жизнь, свою человеческую сущность. И не внушением извне, не от узости взгляда на мир только через свою национальную цель, а от полноты жизни, от того, что много накопилось во мне гордости и боли за мое государство, приходит это чувство.

Удивительное дело — сколько уже бед и лихолетья давили в наше народное зеленые ростки, а они идут и идут в рост. Они все еще не испорчены генетически. Знаете, как бывает? Срежут гнилой верх, а растение растёт и с верхушкой. Чистыми побегами растёт. Но не испортить бы и эти сегодняшние новые ростки!

— Вы как-то высказали мысль, что прогресс — двигатель, работающий на молодости. Понимает ли это сама молодость?

— Молодость свойственно самовозгорание, самопожертвование. Ради чего — вот в чем вопрос. Иной весь — бескорыстие, излучение, чтобы теплее стало людям. А иной прожигает молодость для обогреть подворотен. У него нервная система полностью «раскрепошена», раскручена до отсутствия всяких тормозов. Какой же философский или административный сдвиг ей нужен!

Танец тарантеллы, названный так по аналогии с конвульсиями после укуса тарантула, представляется образцом гармонии на фоне некоторых современных молодежных танцев. Конечно, что кто хочет, тот то и танцует. Но нынешний бездуховный ширпотреб деспотичен. Он хочет властвовать, диктовать. Новая, неприкаянная красная среди множества других на палитре? Пожалуй. Но когда одна краска вместо всех других, и не надо нам уже ни Боттичелли, ни Леонардо, ни Сикстинской капеллы, ни колорита в живописи, ни сюжета в романе, ни мелодии в музыке; когда, собственно говоря, и мыслить-то нас всех приглашают, равняясь под одно... К сожалению, слишком хорошо известно, что из этого выходит. На горьком историческом опыте нашей страны, искусства, науки, общественной жизни.

Не только патриархальностью объясним из рода в род передававшийся в народе ритуал внутренней душевной опрятности, по которому, идя на праздник, и на смерть, надевали чистую белую рубаху и который как-то поутрачен и даже сошел на нет в том,

говорить стандартными крупными блоками. 24 года был я депутатом Верховного Совета страны. И сколько раз слышал о «новом ярком проявлении заботы партии и правительства». И казалось мне порой, что вот стоим мы у кровати больной матери, говорим стерильные крупноблочные фразы. А мать слышит, но не может подняться и дать подзатыльник, чтобы вернуть к первоначальному русскому слову, которое и есть сама правда, какою бы горькою она ни была. Нам сейчас во всем как целительнейшее лекарство нужны правда и дело.

Я 70 лет работаю в литературе. И, поверьте, ночью вскакиваю к столу, чтобы записать наконец-то найденное слово. И в любом труде так. Если серьезно заниматься, думаешь о деле круглосуточно. Потому что это не игра. Это сопротивление. На смерть и на жизнь. И с обстоятельствами. И с собой.

А у номенклатурного человека, с молодых ногтей выгибающегося по форме окостеневших параграфов, — сауна, другие полагающиеся по чину блага. Где уж ему чувствовать себя борцом? Разве что охотником. Вернее — браконьером. В одном заповеднике мне показывали башню, с которой он (я понимаю, о ком вы сейчас подумали, но фамилия не так важна — случай не единственный) расстреливал зверье. Если мы так будем работать — с сауной, охотой, рыбалкой в заповедниках — далеко не уедем. Некогда будет работать.

Меня вот часто в письмах спрашивают: почему в «Русском лесу» Вихров не возражает Грацианскому? Не только потому, что он по совести, по натуре своей никогда не сможет пользоваться приемами, которыми не брезгает Грацианский. Дело в том еще, что он работает. Труд — все его время. Это и есть его борьба. Вихров защищает только голову, чтобы не били по голове, не мешали думать.

— Не есть ли это своеобразная интерпретация «теории малых дел»?

— Не о малых, а о конкретных делах речь. Представьте, каждый человек на земле посадит дерево. Миллиарды деревьев! Сразу всем дышать легче станет. Какое же это «малое дело»? Мы часто и простые вещи запутываем. А надо всегда вытягивать из клубка конкретную нить. Конечно же, нужны и объединяющие всех идеи. Но и они должны быть осязаемыми. Вот, к примеру, явление, далекое, правда, от природы и скорее противоестественное — сквернословие. Встать бы против него всем народом. Пьянство, наркомания, пожим, — зло очевидное. А мат, который принял